

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.01.2022 № 1-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.П. Кузьмина и Г.Т. Умарсаидова»

Содержание жалобы

Взаимосвязанные положения пункта 1 статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку, поскольку на их основании решается вопрос о взыскании с военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, и с лица, уволенного с военной службы, начисленных и выплаченных им в период прохождения указанной службы на основании приказа уполномоченного должностного лица денежных средств в виде дополнительных выплат в составе денежного довольствия, притом что право на получение этих выплат (в том числе в установленном приказом размере) в силу действующих в соответствующий период нормативных правовых актов о денежном довольствии военнослужащих этим гражданам предоставлено не было (т.е. не возникло в формально-юридическом смысле или было утрачено).

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал взаимосвязанные положения пункта 1 статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не предполагают взыскания с военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, а равно и с лица, уволенного с военной службы, в качестве неосновательного обогащения начисленных и выплаченных таким лицам в период прохождения указанной службы денежных средств в виде дополнительных выплат в составе денежного довольствия на основании содержащего нарушения нормативных правовых актов о денежном довольствии военнослужащих приказа уполномоченного должностного лица, при отсутствии недобросовестности со стороны военнослужащего и счетной ошибки.

При этом недобросовестность военнослужащего не должна презюмироваться исходя лишь из предполагаемого знания им содержания нормативных правовых актов о денежном довольствии военнослужащих и несообщения им непосредственному командиру (начальнику) и (или) вышестоящему должностному лицу об отсутствии правовых оснований для начисления таких выплат.

В качестве же счетной ошибки не должны рассматриваться действия (бездействие) должностных лиц, ответственных за начисление и выплату военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, денежного довольствия, приводящие к получению конкретным военнослужащим в составе денежного довольствия тех или иных дополнительных выплат (в том числе в установленном приказом уполномоченного должностного лица размере), право на которые - в силу действующих в соответствующий период нормативных правовых актов - данному военнослужащему предоставлено не было.

Комментарий

При установлении судом исходя из фактических обстоятельств конкретного дела наличия либо отсутствия оснований для взыскания в качестве неосновательного обогащения денежных средств, полученных военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, один лишь факт несообщения им непосредственному командиру (начальнику) и (или) вышестоящему должностному лицу об отсутствии правовых оснований для начисления тех или иных выплат - притом что такой военнослужащий может и не обладать не только необходимыми для этого специальными знаниями и навыками, но и сведениями о составе производимых ему выплат, а потому не может и не должен отвечать за правильность начисления и выплаты ему денежного довольствия - не должен расцениваться как безусловно свидетельствующий о недобросовестности со стороны военнослужащего.

Что же касается счетной ошибки, то действующее законодательство, в том числе оспариваемый заявителями по данному делу подпункт 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации, не содержит определения данного понятия. В правоприменительной практике в качестве таковой, как правило, понимается ошибка, допущенная при проведении арифметических подсчетов сумм, причитающихся к выплате.

При этом в судебной практике по спорам о взыскании с работников (в том числе после увольнения) сумм, излишне выплаченных им работодателем, суды исходят из того, что в качестве счетной ошибки не могут рассматриваться допущенные работодателем технические ошибки (включая двойное перечисление денежных средств за один и тот же период), а также ошибки в применении работодателем норм закона при исчислении работнику заработной платы, различных гарантийных и компенсационных выплат, поскольку именно на работодателя возложена обязанность по соблюдению требований закона при начислении и выплате работнику заработной платы, предоставлению льгот и компенсаций, надлежащему оформлению документов, связанных с выплатой причитающихся ему в связи с осуществлением трудовой деятельности денежных средств.

Аналогичный подход к толкованию понятия «счетная ошибка» формируется и в судебной практике по спорам с участием военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы. Так, Верховный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что не может расцениваться как счетная ошибка ненадлежащее исполнение уполномоченными должностными лицами обязанностей по соблюдению требований законодательства при начислении и выплате военнослужащему, проходящему военную службу по контракту, денежного довольствия, правильному оформлению документов, внесение недостоверных сведений в систему СПО «Алушта», а последующая отмена приказа командира воинской части, в соответствии с которым военнослужащему была произведена выплата тех или иных дополнительных составляющих денежного довольствия, не влечет возврат сумм соответствующих выплат, полученных за прошедший период, т.е. за период действия данного приказа.

Иной подход приводил бы к возложению на такого военнослужащего, в том числе после увольнения его с военной службы, бремени неблагоприятных правовых последствий имущественного характера при отсутствии с его стороны поведения, непосредственно повлекшего ненадлежащее расходование денежных средств, и тем самым фактически допускал бы переложение на него ответственности за действия (бездействие) воинских должностных лиц, в обязанности которых входит обеспечение соблюдения законодательства о материальном обеспечении военнослужащих, что, в свою очередь, не только противоречило бы конституционному принципу справедливости, но и означало бы выходящее за рамки конституционно допустимых ограничений прав и свобод ущемление гарантированных Конституцией Российской Федерации прав военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.01.2022 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части 5 статьи 250 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Филиппова»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются часть 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и часть 5 статьи 250 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос об условиях подачи и рассмотрения нового (повторного) административного искового заявления обвиняемого (подозреваемого) о компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок после принятия судебного решения по предшествующему заявлению о такой компенсации.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и часть 5 статьи 250 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации не соответствующими требованиям Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им судебным толкованием, препятствуют подаче обвиняемым (подозреваемым) нового (повторного) административного искового заявления о присуждении компенсации за нарушение

права на уголовное судопроизводство в разумный срок до истечения четырехлетнего срока, исчисляемого с момента завершения периода, которому дана судебная оценка в предыдущем решении о присуждении или об отказе в присуждении такой компенсации.

Комментарий

Федеральному законодателю надлежит внести в правовое регулирование изменения, направленные на уточнение порядка и условий подачи обвиняемым (подозреваемым) до прекращения уголовного дела или уголовного преследования или до вступления в законную силу приговора суда нового (повторного) заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок.

Впредь до внесения в действующее правовое регулирование надлежащих изменений, вытекающих из данного Постановления, суды общей юрисдикции не вправе отказывать обвиняемым (подозреваемым) в принятии нового (повторного) заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок (либо прекращать производство по административному делу по такому заявлению), если оно подано по истечении одного года после вступления в силу судебного решения об удовлетворении или об отказе в удовлетворении предшествующего заявления, а в случае отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, возвращения прокурором уголовного дела для производства дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта или возвращения судьей уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом новое (повторное) заявление о присуждении названной компенсации может быть подано и до истечения указанного годичного срока.

Вместе с тем основанием для разрешения вопроса о компенсации по новому (повторному) заявлению не могут быть обстоятельства, полностью совпадающие с обстоятельствами, указанными в ранее поданном заявлении. При этом обстоятельства производства по уголовному делу как единому событийному комплексу подлежат оценке за все время его осуществления с учетом возможности придания определенными событиями и правоприменительными актами, имевшими место в течение периода, не вошедшего в предмет рассмотрения суда по прежнему заявлению, иного значения ранее рассмотренным обстоятельствам. Для подачи нового (повторного) заявления о присуждении компенсации не требуется повторного обращения с заявлением об ускорении рассмотрения дела.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.01.2022 № 3-П «По делу о проверке конституционности статьи 74 и пункта 7 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Пешкова»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются положения частей первой - четвертой статьи 74 Трудового кодекса Российской Федерации в их взаимосвязи с пунктом 7 части первой статьи 77 в той мере, в какой они служат основанием для изменения по инициативе работодателя без согласия работника определенных сторонами условия трудового договора о месте его работы, которое вызвано заключением работодателем с третьим лицом гражданско-правового договора, исключающего возможность выполнения работником своей прежней работы в том же обособленном структурном подразделении, а также для решения возникшего в связи с данными обстоятельствами вопроса об увольнении данного работника в случае его отказа от продолжения работы в другой местности.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал взаимосвязанные положения частей первой - четвертой статьи 74 и пункта 7 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не предполагают изменения работодателем в одностороннем порядке определенных сторонами условия трудового договора о месте работы работника (перевода работника без его согласия в иное обособленное структурное подразделение, расположенное в другой местности) в связи с заключением работодателем с третьим лицом гражданско-правового договора, исключающего возможность выполнения работником своей прежней работы в том же обособленном структурном подразделении, а также не предполагают увольнения такого работника в случае его отказа от продолжения работы в другой местности по основанию, предусмотренному пунктом 7 части первой статьи 77 данного Кодекса.

Комментарий

В данном случае увольнение работника не может производиться по основанию, предусматривающему отказ работника от продолжения работы в связи с изменением определенных сторонами условий трудового договора (пункт 7 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации), поскольку в основе увольнения лежит не волеизъявление работника, отказавшегося от продолжения работы в новых условиях, а объективная невозможность предоставления такому работнику отсутствующей у работодателя работы в соответствующем обособленном структурном подразделении по той трудовой функции, которая обусловлена заключенным с ним трудовым договором. Фактически же этот работник оказывается в одинаковом положении с работником, должность которого

подлежит сокращению, поскольку и для того, и для другого в равной мере утрачивается возможность продолжения работы по причинам, не связанным с их личным волеизъявлением и виновным поведением, а вызванным такими изменениями в сфере самостоятельного хозяйствования работодателя, которые исключают дальнейшее выполнение этими работниками прежней работы по причине ее отсутствия, а потому они - в силу конституционного принципа равенства, соблюдение которого, как неоднократно подчеркивал в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации, означает, помимо прочего, запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях, - нуждаются в предоставлении одинаковых гарантий, направленных на смягчение негативных последствий, наступающих для гражданина в результате потери работы.

Это, в свою очередь, возможно лишь при увольнении работников, обеспечивавших выполнение передаваемых третьему лицу видов работ, по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации (в связи с сокращением численности или штата работников организации).

Применение же в качестве основания увольнения таких работников пункта 7 части первой статьи 77 данного Кодекса не только расходилось бы с действительными целями, которые преследовал федеральный законодатель при установлении соответствующего правового регулирования, но и позволяло бы работодателю минимизировать расходы на осуществление выплат, связанных с расторжением трудового договора, фактически обусловленных реализуемыми им по его же инициативе организационно-технологическими изменениями в сфере своего самостоятельного хозяйствования, и тем самым приводило бы не только к выходящему за рамки конституционно допустимых ограничений прав и свобод ущемлению конституционного права каждого на свободное распоряжение своими способностями к труду, но и к нарушению принципов справедливости и уважения человека труда, а также баланса конституционных прав и свобод работника и работодателя.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01.02.2022 № 4-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой публичного акционерного общества «Т Плюс»

Содержание жалобы

Абзац второй пункта 1 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой он служит основанием для разрешения вопроса о возможности должника, осуществляющего эксплуатацию опасного производственного объекта, произвести в качестве внеочередных эксплуатационные платежи в пользу ресурсоснабжающей организации, обеспечивающей его энергоресурсом по ранее заключенному договору, поскольку прекращение поставок энергоресурса (либо ограничение поставок ниже уровня, минимально необходимого для безопасного состояния соответствующего объекта) может повлечь за собой техногенные и (или) экологические катастрофы либо гибель людей.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал абзац второй пункта 1 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не соответствующим Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования им не обеспечивается должная степень определенности и оперативности в решении вопроса о наличии обстоятельств, при которых прекращение (или снижение объема ниже минимально необходимого для безопасного состояния опасного производственного объекта) поставки энергоресурсов по договору, ранее заключенному в рамках обычной хозяйственной деятельности должника, может создать реальную угрозу возникновения техногенной и (или) экологической катастрофы либо гибели людей, что предполагает оплату энергоресурсов поставщику вне очереди преимущественно перед любыми другими требованиями кредиторов по текущим платежам.

Комментарий

Федеральному законодателю и Правительству Российской Федерации надлежит в кратчайшие сроки внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из данного Постановления, в том числе:

ввести правовой механизм, который обеспечивал бы - с учетом характера осуществляемой должником деятельности и характеристик эксплуатируемого им опасного производственного объекта - на основе нормативно определенных критериев (либо на основе заключения уполномоченного федерального органа исполнительной власти в области промышленной безопасности) установление обстоятельств, исходя из которых должна определяться реальность угрозы

наступления перечисленных в абзаце втором пункта 1 статьи 134 Закона о банкротстве опасных последствий, что обеспечивало бы отсутствие неопределенности при установлении оснований для применения данного законоположения;

уточнить критерии отнесения тех или иных текущих платежей (в частности, эксплуатационных платежей) к расходам на проведение мероприятий по недопущению катастроф либо гибели людей.

С учетом положений статьи 75.1 Конституции Российской Федерации о сбалансированности прав и обязанностей гражданина, о социальном партнерстве, экономической, политической и социальной солидарности законодателю при внесении изменений в регулирование оснований осуществления внеочередных платежей надлежит исходить из того, что праву ресурсоснабжающей организации на внеочередное удовлетворение требований по оплате поставок энергоресурсов должнику, эксплуатирующему опасный производственный объект, должна корреспондировать ее обязанность не прекращать поставку энергоресурса и не снижать ее объем ниже уровня, минимально необходимого для безопасного состояния соответствующего производственного объекта.

До внесения в действующее правовое регулирование вытекающих из данного Постановления изменений арбитражным судам надлежит исходить из того, что осуществление поставки энергоресурсов по договору, заключенному в рамках обычной хозяйственной деятельности должника, не может само по себе считаться препятствием для применения абзаца второго пункта 1 статьи 134 Закона о банкротстве при наличии обстоятельств, свидетельствующих о реальной угрозе возникновения катастроф либо гибели людей вследствие прекращения поставок данных энергоресурсов (либо ограничения поставок ниже уровня, минимально необходимого для безопасного состояния соответствующего объекта). Все неустранимые сомнения по вопросу о наличии или отсутствии указанных обстоятельств применительно к опасным производственным объектам должны толковаться в пользу их наличия.

Конкурсный управляющий при принятии им решения о внеочередном удовлетворении требований кредитора об оплате поставленных должнику энергоресурсов на основании абзаца второго пункта 1 статьи 134 Закона о банкротстве, а также арбитражный суд при оценке правомерности таких действий конкурсного управляющего вправе обратиться в уполномоченный в сфере безопасности функционирования такого рода объектов федеральный орган исполнительной власти (его территориальные органы) в целях компетентной оценки названным органом рисков катастрофы либо гибели людей в случае прекращения деятельности организации-должника или ее структурных подразделений, включая оценку того, насколько данные риски могут быть обусловлены прекращением поставок энергоресурсов или ограничением поставок ниже уровня, минимально необходимого для безопасного состояния соответствующего объекта.

Абзац второй пункта 1 статьи 134 Закона о банкротстве во всяком случае подлежит применению к текущим платежам, совершенным в оплату того объема

энергоресурсов, поставленных по договору, заключенному в рамках обычной хозяйственной деятельности должника, в каком использование энергоресурсов направлено на предотвращение угрозы катастрофы либо гибели людей. К платежам, совершенным в оплату энергоресурсов, поставленных сверх этого объема, применяются правила об эксплуатационных платежах.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.02.2022 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 61.2 и пункта 11 статьи 189.40 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина С.В. Кузьмина»

Содержание жалобы

Положения пункта 1 статьи 61.2 и пункта 11 статьи 189.40 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой они составляют основание для признания недействительным договора купли-продажи жилого помещения, заключенного должником в течение одного года до принятия заявления о признании его банкротом (с учетом особого порядка исчисления этого периода для банков) с покупателем - гражданином, для которого это жилое помещение является единственным пригодным для постоянного проживания, по причине неравноценности встречного исполнения обязательств гражданином как стороной сделки.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал положения пункта 1 статьи 61.2 и пункта 11 статьи 189.40 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», как позволяющие признать договор купли-продажи жилого помещения, заключенный должником с покупателем-гражданином, для которого это жилое помещение является единственным пригодным для постоянного проживания, недействительным в качестве подозрительной сделки при неравноценном встречном исполнении обязательств, в течение одного года до принятия заявления о признании должника банкротом (с учетом специального порядка исчисления этого периода для банков), соответствующими Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации признал положения пункта 1 статьи 61.2 и пункта 11 статьи 189.40 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не соответствующими Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой они, позволяя признать недействительным договор купли-продажи жилого помещения, заключенный должником в течение одного года до принятия заявления о признании банкротом (с учетом специального порядка исчисления этого периода для банков) с покупателем-гражданином, для которого это жилое помещение является единственным пригодным для постоянного проживания, в

системе действующего правового регулирования не гарантируют реального получения гражданином ранее уплаченных им по этому договору денежных средств, которые могли бы быть использованы для удовлетворения его потребности в жилище.

Комментарий

Не вызывает сомнения с точки зрения соответствия Конституции Российской Федерации сама по себе возможность признать договор купли-продажи жилого помещения, заключенный должником с покупателем-гражданином, для которого это жилое помещение является единственным пригодным для постоянного проживания, недействительным в качестве подозрительной сделки при неравноценном встречном исполнении обязательств, в течение одного года до принятия заявления о признании должника банкротом (с учетом специального порядка исчисления этого периода для банков).

Однако положения пункта 1 статьи 61.2 и пункта 11 статьи 189.40 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не согласуются с требованиями Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования не гарантируют реального получения гражданином ранее уплаченных по этому договору денежных средств, которые могли бы быть использованы для удовлетворения его потребности в жилище.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

До установления соответствующего законодательного регулирования при продаже с торгов в рамках процедуры банкротства жилого помещения после признания в соответствии с оспариваемыми положениями недействительной сделки купли-продажи этого жилого помещения, притом что оно является единственным пригодным для постоянного проживания гражданина (покупателя по недействительной сделке), денежные средства в размере уплаченной им по договору цены в конкурсную массу не поступают, но передаются гражданину, а остальная часть средств, если таковые выручены, подлежит включению в конкурсную массу; до получения указанной денежной суммы, а также в течение установленного судом разумного срока после ее получения гражданин сохраняет право пользования жилым помещением; об этом праве информируются участники торгов.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.02.2022 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 242 и частей первой и третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.С. Мамонтова»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются статья 242 и части первая и третья статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в той мере, в какой на их основании в стадии судебного разбирательства по уголовному делу допускается разрешение вопроса о продлении срока содержания подсудимого под стражей не составом суда, в производстве которого находится уголовное дело, а иным судьей того же суда без замены принявшего дело к своему производству судьи (состава суда) в случае отсутствия судьи по уважительным причинам.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал статью 242 и части первую и третью статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они позволяют, если разрешение вопроса о продлении срока содержания под стражей не терпит отлагательства, а осуществление его судьей (составом суда), в чьем производстве находится уголовное дело, объективно невозможно, принять решение о продлении срока содержания под стражей (об отмене или изменении данной меры пресечения) единолично иному судье того же суда, определенному в соответствии с установленным законом принципом распределения дел, по результатам изучения материалов уголовного дела, исследования в условиях устности и непосредственности представленных сторонами обвинения и защиты доказательств, подтверждающих наличие или отсутствие оснований для применения данной меры пресечения.

Комментарий

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации состав суда для рассмотрения каждого уголовного дела формируется с учетом нагрузки и специализации судей путем использования автоматизированной информационной системы, а при невозможности ее использования допускается формирование состава суда в ином порядке, исключая влияние на его формирование заинтересованных в исходе судебного разбирательства лиц (часть первая статьи 30), т.е. установленном в соответствии с принципом распределения уголовных дел (часть тринадцатая статьи 108). В силу принципа равенства в таком же порядке надлежит выбирать из числа судей суда, где находится на рассмотрении уголовное дело, того судью, который в безотлагательном случае при временном отсутствии по уважительным причинам судьи, единолично рассматривающего уголовное дело по существу, разрешит вопрос о продлении срока содержания подсудимого под стражей.

Указанное не препятствует тому, чтобы в случае временного отсутствия по уважительным причинам судьи, входящего в коллегиальный состав, в производстве которого находится уголовное дело, вопрос о продлении срока содержания подсудимого под стражей в обстоятельствах, требующих незамедлительного принятия такого решения, разрешался - принимая во внимание принцип процессуальной экономии - одним из судей именно этого состава, определяемым в остальном в описанном выше порядке.

Разрешая данный вопрос, судья руководствуется едиными для всего уголовного судопроизводства нормативными основаниями и условиями применения этой меры пресечения (статьи 97, 99 и 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), а также наделен полномочиями по исследованию материалов уголовного дела и доказательств в условиях устности и непосредственности (как по ходатайствам сторон, так и по собственной инициативе вправе заслушать свидетелей, произвести другие необходимые судебные действия) и должен обеспечить подсудимому возможность довести до суда свою позицию, с тем чтобы такие вопросы не могли решаться произвольно или исходя из формальных условий, а суд мог бы самостоятельно оценить обстоятельства, приводимые как стороной обвинения, так и стороной защиты.

При этом по смыслу части третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации судья вправе продлить содержание подсудимого под стражей и на срок, меньший чем три месяца. Кроме того, сторона защиты не лишена права в любой момент производства по уголовному делу заявить ходатайство об отмене или изменении избранной меры пресечения и права обжаловать в вышестоящий суд правомерность судебного решения о продлении срока содержания под стражей.

Тем самым уголовно-процессуальный закон содержит гарантии защиты права на свободу и личную неприкосновенность, а равно нормативные условия продолжения рассмотрения уголовного дела по существу судьей, в чьем производстве оно находится и чье временное отсутствие по уважительной причине не повлекло его замену другим судьей в порядке части второй статьи 242 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Иное применение статей 242 и 255 данного Кодекса влекло бы замену судьи, рассматривающего уголовное дело по существу, лишь в силу необходимости разрешить не являющийся основным по отношению к разрешению самого дела вопрос о мере пресечения, неоправданное повторение заново судебного разбирательства уголовного дела в ином составе суда, вело бы к нарушению права на доступ к правосудию в разумный срок, а также к более длительному ограничению права подсудимого на свободу и личную неприкосновенность в случае дополнительного продления срока содержания под стражей на время повторного рассмотрения дела и этим создавало бы затруднения при реализации прав граждан в отступление от закрепленных в Конституции Российской Федерации и конкретизированных в процессуальном законодательстве гарантий права на судебную защиту.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2022 № 7-П «По делу о проверке конституционности статей 14.8 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Медэксперт»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения по данному делу являются взаимосвязанные положения статьи 14.8 и части 3 статьи 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в части решения вопроса о признании недобросовестной конкуренцией действий хозяйствующего субъекта, подавшего заявку на участие в электронном аукционе в рамках контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в отсутствие у него надлежаще оформленной лицензии на осуществление деятельности, необходимой для исполнения государственного (муниципального) контракта, и о доходе, полученном от недобросовестной конкуренции, который в указанном случае подлежит на основании предписания антимонопольного органа перечислению в федеральный бюджет.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал взаимосвязанные положения статьи 14.8 и части 3 статьи 51 Федерального закона «О защите конкуренции» не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают, что участие хозяйствующего субъекта в электронном аукционе и исполнение заключенного по его результатам контракта в отсутствие у него надлежаще оформленной лицензии, позволяющей осуществлять деятельность по исполнению государственного (муниципального) контракта, не может быть признано недобросовестной конкуренцией и влечь возложение на него обязанности перечислить в федеральный бюджет доход, полученный им по этому государственному (муниципальному) контракту, на одном лишь том основании, что у него отсутствует такое разрешение, если данное несоответствие положениям законодательства, требующим наличия разрешения, могло быть установлено комиссией по осуществлению закупок в рамках исполнения ею своих обязанностей при обычной внимательности и осмотрительности, а хозяйствующий субъект не совершил каких-либо действий (бездействия), направленных на сокрытие этого несоответствия.

Комментарий

Поскольку деяние в виде недобросовестной конкуренции по самой своей сути нарушает конституционный принцип равенства участников соответствующих гражданско-правовых отношений, обращение в федеральный бюджет дохода, полученного от такого действия (бездействия), не может рассматриваться как несоразмерная мера, несовместимая с конституционными критериями допустимых ограничений прав и свобод в сфере экономической деятельности, основанной на свободной конкуренции, надлежащим образом гарантированной государством. В

связи с этим не исключается возложение на нарушителя законодательства о защите конкуренции при определенных исключаящих иной подход обстоятельствах (в частности, если в результате недобросовестной конкуренции причинен значительный, явный и прямой ущерб хозяйствующим субъектам - конкурентам или соответствующее деяние носило грубый характер) обязанности перечислить в федеральный бюджет в качестве «дохода, полученного от монополистической деятельности или недобросовестной конкуренции» все полученное от совершения такого деяния.

Соответственно, в случае признания недобросовестной конкуренцией действий хозяйствующего субъекта, подавшего заявку на участие в рамках контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в отсутствие у него надлежаще оформленной лицензии и получившего в результате торгов право на заключение государственного (муниципального) контракта, когда это было сопряжено с его действиями (бездействием), направленными на сокрытие его несоответствия условиям исполнения контракта, создаются предпосылки для того, чтобы требовать перечисления в бюджет всего полученного по соответствующему контракту.

Ведь в случае, когда Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» требует проведения торгов как условия заключения государственного (муниципального) контракта, в качестве базовой предпосылки для получения оплаты за поставленные по контракту товары, работы и услуги выступает именно участие в торгах и победа на них.

Защита же прав хозяйствующего субъекта в данном случае обеспечивается именно тем, что признание его поведения в виде участия в торгах и исполнения заключенного по его результатам контракта в отсутствие у него надлежаще оформленного разрешения, позволяющего осуществлять соответствующую деятельность, недобросовестной конкуренцией, напротив, не предполагается, если такое несоответствие требованиям законодательства может быть установлено комиссией по осуществлению закупок в рамках исполнения ею своих обязанностей при обычной внимательности и осмотрительности, а хозяйствующий субъект не совершил каких-либо действий (бездействия), направленных на сокрытие этого несоответствия.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2022 № 8-П «По делу о проверке конституционности части седьмой статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Н. Егорова»

Содержание жалобы

Часть седьмая статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она служит основанием для отказа судом в замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть седьмую статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой она, исключая замену неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами осужденному мужчине единственно в силу достижения им шестидесятилетнего возраста, даже если он отвечает всем иным необходимым для замены наказания нормативным условиям, не сбалансирована в системе действующего правового регулирования гарантиями возможности применения иных вариантов смягчения наказания такому осужденному.

Комментарий

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование надлежащие изменения, вытекающие из данного Постановления.

До установления соответствующего законодательного регулирования осужденному мужчине, достигшему шестидесятилетнего возраста, поскольку его ходатайство о замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами прямо свидетельствует о его персональном желании трудиться, не может быть отказано в такой замене только лишь на основании указанного возраста, если он отвечает всем иным необходимым для замены наказания нормативным условиям и отсутствует возможность применить в рамках действующего правового регулирования иные способы смягчения наказания, а состояние его здоровья, в том числе с учетом перспектив его динамики на срок возможного отбывания данного вида наказания, позволяет выполнять трудовую функцию при привлечении к принудительным работам. При этом ему должна быть обеспечена возможность подтвердить способность выполнять трудовые обязанности посредством оценки его состояния здоровья, а он - поскольку, подавая такое ходатайство, добровольно принимает на себя обязательство трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией учреждений, исполняющих наказания, - не вправе отказаться от выполнения этой обязанности, ссылаясь на

пенсионный возраст, что подлежит разъяснению осужденному при разрешении вопроса о замене наказания.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01.03.2022 № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона от 20 июля 2020 года № 228-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобой гражданина А.В. Окулова»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является статья 2 Федерального закона от 20.07.2020 № 228-ФЗ как используемая в качестве основания для решения вопроса о придании обратной силы его статье 1 в отношении инвалидов с детства, родившихся после 01.01.1992 в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях и состоявших на учете в качестве имеющих право на получение жилищных субсидий в соответствии с Федеральным законом «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», при снятии их с такого учета или отказе в выдаче государственного жилищного сертификата в связи с рождением после 01.01.1992.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал статью 2 Федерального закона от 20.07.2020 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой придание ею обратной силы его статье 1 рассматривается как основание для снятия инвалидов с детства, родившихся после 01.01.1992 в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях и поставленных на учет в качестве имеющих право на получение жилищных субсидий в соответствии с Федеральным законом "О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей", с такого учета или для отказа в выдаче им государственного жилищного сертификата в связи с рождением после 01.01.1992.

Комментарий

В силу принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который распространяется не только на права, закрепленные непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и на права, приобретаемые на основании закона, наделение законодателя полномочием устанавливать и отменять дополнительные меры социальной поддержки

предполагает его обязанность находить баланс конституционно значимых ценностей, публичных и частных интересов, а если, с учетом состояния соответствующих бюджетов, это оказывается объективно невозможным, - по крайней мере, максимально смягчить негативные последствия для лиц, имевших основанные на законодательном регулировании ожидания и рассчитывавших на получение мер социальной поддержки.

Иное не только не отвечало бы природе социального государства, но и расходилось бы с вытекающим из статей 2 и 18 Конституции Российской Федерации и обращенным к органам публичной власти требованием обеспечивать признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, которые определяют смысл, содержание и применение законов.

Между тем законодатель, распространяя скорректированные ограничительным образом условия приобретения права на получение жилищной субсидии на инвалидов с детства, родившихся после 01.01.1992, но состоявших на учете для ее получения, не предусмотрел мер (компенсаторного механизма), направленных на смягчение неблагоприятных последствий отмены ранее признанного за ними уполномоченными органами права на получение субсидии.

Тем самым были нарушены принципы социального государства и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, а также требования справедливости и соразмерности, которые должны соблюдаться при осуществлении правового регулирования в этой сфере, что несовместимо с положениями Конституции Российской Федерации.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.03.2022 № 10-П «По делу о проверке конституционности абзаца второй части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Н. Елисеева»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является абзац второй части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации постольку, поскольку на его основании решается вопрос о повороте исполнения вступившего в законную силу судебного акта по делу о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, при отмене этого акта по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал абзац второй части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования эта норма допускает поворот

исполнения вступившего в законную силу решения суда, принятого по делу о взыскании работником (бывшим работником) денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, в случае его пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, притом что само наличие трудовых отношений не было опровергнуто в судебном порядке, а отмененное решение суда не было основано на сообщенных гражданином ложных сведениях или представленных им подложных документах.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

Впредь до внесения в гражданское процессуальное законодательство изменений, вытекающих из данного Постановления, абзац второй части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации подлежит применению с распространением установленных им правил на случаи пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений по делам о взыскании денежных сумм по требованиям, вытекающим из трудовых отношений, если само их наличие не было опровергнуто в судебном порядке, а отмененное решение суда не было основано на сообщенных гражданином ложных сведениях или представленных им подложных документах.

Комментарий

Предусмотренная оспариваемой по данному делу нормой процессуальная гарантия защиты прав и законных интересов работника как слабой стороны трудового договора основана на специфике трудовых отношений, которые характеризуются экономическим и организационным неравенством сторон, подчинением работника распорядительной и дисциплинарной власти работодателя.

Из этого вытекает необходимость в ходе судебного разбирательства удостовериться в возникновении (наличии) таких отношений между сторонами спора. При этом применительно к оценке допустимости жалобы о проверке конституционности положений в том числе Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» о признании сделок должника недействительными Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 30.09.2021 № 2117-О указал, что оценка их возникновения (наличия) должна производиться на основе положений трудового законодательства.

В то же время отсутствие возможности предотвратить недобросовестные действия и восстановить разумный баланс интересов участников правоотношений в случаях, когда взыскание денежных средств осуществляется под видом заработной платы или иных выплат, вытекающих из трудовых отношений, при фактическом отсутствии последних, влекло бы необоснованное создание преимуществ для лиц, злоупотребляющих правом, нарушало бы права и законные интересы других лиц.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 14.12.2021 № 2644-О, с учетом положений Конституции Российской Федерации, ее статьи 15 об обязанности всех соблюдать закон и статьи 17 о недопустимости

осуществления прав и свобод человека и гражданина в нарушение прав и свобод других лиц, не могут пользоваться защитой закона и суда денежные притязания, которые - вопреки общеправовым принципам добросовестности и недопущения злоупотреблений правом - основаны на недобросовестном использовании возможностей, предоставленных действующим регулированием; иное вынуждало бы суд присуждать выплаты по такого рода требованиям и тем самым предоставлять им защиту - вопреки назначению правового государства и правосудия, которое определяется Конституцией Российской Федерации.

Эта позиция применима и к определению правил поворота исполнения решения суда. Предусмотренная законодательством гарантия в виде запрета поворота исполнения вступившего в законную силу решения суда не может, в силу указанных конституционных положений, распространяться на случаи взыскания денежных средств, право на получение которых основано на недобросовестном использовании юридических возможностей, выразившемся в применении правовых форм, установленных для трудовых отношений, при фактическом отсутствии таковых.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.03.2022 № 11-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 10 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» в связи с жалобой гражданки И.И. Котловой»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является часть 1 статьи 10 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» в той мере, в какой содержащееся в ней положение служит основанием для решения вопроса о размере пособия по безработице, подлежащего выплате с 01.01.2019 гражданам предпенсионного возраста, которые были признаны безработными до указанной даты и при этом уже на момент признания их таковыми соответствовали критериям отнесения граждан к категории лиц предпенсионного возраста, установленным Законом Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в редакции, действовавшей в тот период.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть 1 статьи 10 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» не соответствующей Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой данное законоположение препятствует выплате с 01.01.2019 пособия по безработице в

повышенном максимальном размере, установленном для граждан предпенсионного возраста, тем из них, кто, фактически уже являясь лицом предпенсионного возраста, был признан безработным до указанной даты и получал данное пособие в максимальном размере.

Комментарий

При введении такого рода правового регулирования федеральный законодатель не мог не учитывать возможность не только увеличения с 01.01.2019 минимальной и максимальной величин пособия по безработице, но и установления для граждан предпенсионного возраста иных, более высоких по сравнению с общеустановленными, предельных размеров данного пособия. Сказанное подтверждается, в частности, тем, что, корректируя в Законе Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» порядок определения размеров минимальной и максимальной величин пособия по безработице, выплачиваемого гражданам, признанным безработными, он сделал оговорку в отношении лиц предпенсионного возраста, исключив их из сферы действия соответствующей общей нормы, и одновременно предусмотрел отдельное (хотя по сути и аналогичное) положение об установлении предельных размеров указанного пособия для безработных лиц предпенсионного возраста, включив его в специальные нормы данного Закона Российской Федерации о дополнительных гарантиях социальной поддержки, предоставляемых этой категории граждан.

Поскольку увеличение с 01.01.2019 минимальной и максимальной величин пособия по безработице - в силу принципов справедливости и равенства - никоим образом не должно было привести к необоснованным различиям в объеме материальной поддержки, предоставляемой безработным гражданам, относящимся к одной и той же категории, в связи с утратой ими работы и заработка (трудового дохода), граждане, признанные безработными до 01.01.2019, не могли быть поставлены в худшее положение с точки зрения размера предоставляемого им пособия по безработице по сравнению с такими же гражданами, признанными безработными после указанной даты.

При этом для тех граждан, которые были признаны безработными до 01.01.2019 и уже на момент признания их таковыми фактически являлись лицами предпенсионного возраста исходя из критериев, установленных Законом Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в действовавшей в соответствующий период редакции, а значит, и сохранили статус лица предпенсионного возраста на дату вступления в силу Федерального закона от 03.10.2018 № 350-ФЗ, первостепенное значение при решении вопроса о размере причитающегося им пособия по безработице в связи с увеличением с 01.01.2019 предельных размеров данного пособия должен иметь факт их принадлежности к категории лиц предпенсионного возраста.

Поскольку граждане предпенсионного возраста, признанные безработными до 01.01.2019, равно как и относящиеся к той же категории лица, признанные безработными после указанной даты, фактически находятся в одинаковой

жизненной ситуации, обусловленной утратой работы и заработка (трудового дохода), и в одинаковой мере испытывают трудности в поиске новой работы, обусловленные главным образом достижением ими указанного возраста, они - в силу принципов справедливости и равенства - должны находиться и в равном правовом положении как субъекты права на защиту от безработицы и права на социальное обеспечение в связи с безработицей.

Исходя из этого, а также принимая во внимание установленные Законом Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» условия, влияющие на порядок исчисления и размер пособия по безработице, гражданам предпенсионного возраста, состоявшим в 12-месячный период, предшествующий началу безработицы, в трудовых (служебных) отношениях не менее 26 недель, - вне зависимости от даты признания их безработными (до или после 01.01.2019) - должно быть предоставлено равное право на получение пособия по безработице с учетом того максимального размера, который установлен Правительством Российской Федерации для данной категории граждан на соответствующий календарный год.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.03.2022 № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части девятой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», статьи 189.91 и пункта 31 статьи 189.96 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданки И.В. Рехиной»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются положения пункта 4 части девятой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», статьи 189.91 и пункта 31 статьи 189.96 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», на основании которых решается вопрос о возможности признания обязательства по договору потребительского кредита досрочно исполненным гражданином-должником путем размещения денежных средств на банковском счете, специально открытом в соответствии с условиями договора для этой цели, после отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций (введения моратория на удовлетворение требований ее кредиторов).

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал не противоречащими Конституции Российской Федерации положения пункта 4 части девятой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», статьи 189.91 и пункта 31 статьи 189.96 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в той мере, в какой по их конституционно-правовому смыслу юридический факт

отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций (введения моратория на удовлетворение требований ее кредиторов) не может препятствовать признанию предшествовавшего ему (им) размещения гражданином-должником - в порядке исполнения (в том числе досрочного) своих обязательств по договору потребительского кредита - денежных средств на банковском счете в кредитной организации, специально открытом в этой кредитной организации, надлежащим исполнением своих обязательств в соответствующей части.

Комментарий

Должники по обязательству, вытекающему из договора потребительского кредита, и кредиторы банка, в частности вкладчики по договору банковского вклада или банковского счета, представляют собой разные категории лиц. Их существенное различие особенно наглядно с точки зрения экономических целей. Цель гражданина-заемщика при заключении договора потребительского кредита - получить денежные средства в размере и на условиях, предусмотренных договором, приняв обязательство по последующему погашению долга.

При заключении же договора банковского вклада одна сторона (вкладчик) доверяет свои средства другой стороне (банку), становясь кредитором в обязательстве, а другая сторона (банк) обязуется в установленный срок возвратить эти деньги с учетом начисленных за их использование процентов (пункт 1 статьи 834 Гражданского кодекса Российской Федерации). Экономический интерес вкладчика состоит не в получении возможности пользоваться денежными средствами банка, а в размещении там и в приращении своих средств. (Согласно пункту 3 статьи 834 Гражданского кодекса Российской Федерации к отношениям банка и вкладчика по счету, на который внесен вклад, применяются правила главы 45 «Банковский счет» данного Кодекса, если иное не предусмотрено правилами его главы 44 «Банковский вклад» или не вытекает из существа договора банковского вклада.)

Условия договора потребительского кредита определяются статьей 5 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», при этом общие условия договора устанавливаются кредитором в одностороннем порядке в целях многократного применения (часть 3), включая способы возврата кредита заемщиком, а также уплаты процентов по нему (пункт 12 части 4). Процесс погашения кредита с использованием текущего счета, открытого банком для этой цели, представляется заемщику технической, внутренней операцией, которая осуществляется банком. С точки зрения заемщика, он перечисляет денежные средства банку в качестве должника, а все последующие действия по списанию долга совершаются самим банком. То обстоятельство, что до наступления согласованной даты погашения заемщик формально может считаться кредитором банка в отношении перечисленной суммы и может отменить (изменить) заявку на погашение кредита, в данном случае не должно иметь решающего значения, поскольку сам по себе такой текущий счет открывается в связи с банковским кредитом и с целью его погашения, т.е. самостоятельный

интерес заемщика в ведении такого счета можно предположить отсутствующим. Следовательно, заемщик, который вносит, чтобы погасить кредит, денежные средства на специально открытый в этом же банке счет, продолжает оставаться должником. Характер отношений между должником и банком-кредитором сохраняется, а потому банк не ограничен в праве принять от должника надлежащее исполнение несмотря на введение моратория на удовлетворение требований кредиторов - в отличие от кредиторов банка, для которых запрет зачета однородных требований имеет смысл, поскольку преследует разумную цель не допустить преимущественного удовлетворения требований одного кредитора перед другим.

Кредитор банка, не получивший обратно свои денежные средства по завершении конкурсного производства, воспринимается как лицо, претерпевшее неблагоприятные последствия от не зависящих от него обстоятельств. Должник, который в рассматриваемом случае возвращает взятые денежные средства, оказывается в худшем положении, поскольку он, хотя и внес сумму кредита (ее часть), поступившую в конкурсную массу, по-прежнему считается не исполнившим своего обязательства, что влечет для него неблагоприятные имущественные последствия и ухудшает его кредитную историю, а в более широком смысле - влечет и другие репутационные риски.

При этом сама по себе ситуация отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций (введения моратория на удовлетворение требований ее кредиторов) создает вероятность того, что владелец счета не получит переданные банку собственные денежные средства в полном объеме, но при этом, оставаясь должником по договору потребительского кредита, вынуждается к повторной уплате уже перечисленных средств.

Понимание действий заемщика в рассматриваемом случае как имеющих характер зачета (статья 410 Гражданского кодекса Российской Федерации) вступает в противоречие с принципами равенства и справедливости. Так, принцип справедливости не позволяет расценивать обстоятельства, в которых оказываются должник, досрочно исполнивший обязательство, и кредиторы банка, как «сходные» ситуации: объективно различные, эти ситуации не позволяют применять к ним равным образом норму о запрете зачета. Сохранение обязанности по возврату кредита в той части, в которой она исполнена, и последующее замораживание уплаченных денежных средств в конкурсной массе противоречит как общим принципам гражданского законодательства, так и конституционному принципу равенства.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.03.2022 № 13-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 2 статьи 256 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Санкт-Петербурга и жалобой государственного унитарного предприятия «Топливо-энергетический комплекс Санкт-Петербурга»

Содержание жалобы

Подпункт 3 пункта 2 статьи 256 Налогового кодекса Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку, поскольку на его основании для целей исчисления и уплаты налога на прибыль организации решается вопрос о возможности амортизации имущества, полученного государственным (муниципальным) унитарным предприятием в хозяйственное ведение (оперативное управление) от собственника, использовавшего бюджетные инвестиции в форме капитальных вложений для приобретения (создания) данного имущества (соответствующих объектов государственной (муниципальной) собственности).

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал подпункт 3 пункта 2 статьи 256 Налогового кодекса Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку, он предполагает необходимость исключения налогоплательщиком - государственным (муниципальным) унитарным предприятием из состава амортизируемого имущества - для целей начисления и уплаты налога на прибыль организации - объектов государственной (муниципальной) собственности, приобретенных (созданных) собственником в результате осуществления бюджетных инвестиций в форме капитальных вложений и переданных ему в хозяйственное ведение (оперативное управление), на основе решений органов публичной власти, только при условии, что из таких решений явным и недвусмысленным образом следует, что бюджетные средства расходовались на конкретные объекты именно для целей пополнения имущества унитарного предприятия и только в той части стоимости имущества, в какой в его создании не были использованы средства самого унитарного предприятия.

Комментарий

Федеральный законодатель не лишен возможности в пределах дискреционных полномочий и с учетом целей государственной экономической и социальной политики (экономическая эффективность, рациональность, сокращение расходов граждан и организаций на коммунальные ресурсы и др.) внести соответствующие изменения и дополнения в подпункт 3 пункта 2 статьи 256 Налогового кодекса Российской Федерации, в том числе в части видов имущества, которые не подлежат амортизации.

При этом такие уточнения могут относиться, в частности, к имуществу определенного назначения, если допустимость снижения для налогоплательщиков,

владеющих и пользующихся таким имуществом, реального размера налогообложения путем амортизации такого имущества оправдана публично значимыми целями.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.04.2022 № 14-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 58 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей», а также подпункта 1 пункта 1 статьи 21 и подпункта 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина П.М. Понеделкова»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются подпункт 1 пункта 1 статьи 21 и подпункт 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в той мере, в какой они служат основанием для приостановления и последующего прекращения выплаты лицу, уволенному с военной службы, пенсии за выслугу лет, которая производилась путем зачисления денежных средств на его счет (вклад) в кредитной организации (банке), притом что он не осуществлял операции по этому счету (вкладу) в течение шести месяцев подряд, а также часть первая статьи 58 Закона Российской Федерации от 12.02.1993 № 4468-I, поскольку при восстановлении выплаты пенсии она допускает ее получение за прошлое время в размере, не превышающем сумму, исчисленную за три года, предшествующие обращению пенсионера с соответствующим заявлением в пенсионный орган.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал подпункт 1 пункта 1 статьи 21 и подпункт 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не предполагают приостановления и последующего прекращения выплаты лицу, уволенному с военной службы, назначенной ему пенсии за выслугу лет, доставка и получение которой производится через кредитную организацию (банк) путем зачисления соответствующих денежных средств на счет (вклад) пенсионера, в случае отсутствия операций по этому счету (вкладу) в течение шести месяцев подряд.

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть первую статьи 58 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной

противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» не соответствующей Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой она - во взаимосвязи с подпунктом 1 пункта 1 статьи 21 и подпунктом 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» - допускает выплату лицу, уволенному с военной службы, не полученной им пенсии за выслугу лет, выплата которой была приостановлена и в последующем прекращена, лишь в размере, не превышающем сумму, исчисленную за три года, предшествующие обращению пенсионера в пенсионный орган за восстановлением выплаты пенсии, притом что в период, когда она не выплачивалась, право на эту пенсию пенсионер не утрачивал.

Комментарий

Часть первая статьи 58 Закона Российской Федерации от 12.02.1993 № 4468-І ограничивает выплату сумм пенсии за прошлое время трехгодичным сроком с момента обращения за ее получением. При этом данное законоположение, действуя во взаимосвязи с подпунктом 1 пункта 1 статьи 21 и подпунктом 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (с 01.01.2015 - с пунктом 1 части 1 статьи 24 и пунктом 2 части 1 статьи 25 Федерального закона «О страховых пенсиях»), предполагает, что при обращении пенсионера в пенсионный орган за восстановлением выплаты пенсии в случае, когда ее выплата была приостановлена и в последующем прекращена, выплата сумм пенсии за прошлое время допускается лишь в размере, не превышающем сумму, исчисленную за три года, предшествующие соответствующему обращению.

Тем самым часть первая статьи 58 Закона Российской Федерации от 12.02.1993 № 4468-І, сформулированная как императивное предписание, - вопреки вытекающим из взаимосвязанных положений Конституции Российской Федерации принципам справедливости, равенства, правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства - исключает возможность принятия пенсионным органом решения о выплате сумм пенсии за весь период, в течение которого она была приостановлена и прекращена.

Это, по существу, означает, что гражданин, реализовавший право на пенсию за выслугу лет, в случае приостановления и последующего прекращения ее выплаты лишается права на получение пенсии за период, превышающий три года, предшествующие обращению за восстановлением ее выплаты, притом что в указанный период право на назначенную ему пенсию пенсионер не утрачивал.

Такое правовое регулирование приводит к не согласующемуся с конституционно значимыми целями ограничению права на социальное обеспечение создает препятствия для эффективной судебной защиты нарушенного права на пенсионное обеспечение, поскольку не гарантирует гражданину восстановления данного права в полном объеме.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.04.2022 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Г. Клепиковой»

Содержание жалобы

Положения пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку, поскольку они служат основанием для решения вопроса об исключении из конкурсной массы гражданина, признанного несостоятельным (банкротом), денежных средств на общую сумму не менее установленной величины прожиточного минимума для несовершеннолетнего ребенка, находящегося на иждивении гражданина-должника, в частности при отсутствии доказательств неисполнения вторым родителем обязанностей по содержанию ребенка.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал положения пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не предполагают отказа в исключении из конкурсной массы гражданина, признанного несостоятельным (банкротом), денежных средств на общую сумму не менее установленной величины прожиточного минимума для несовершеннолетнего ребенка, находящегося на иждивении гражданина-должника, в том числе и при отсутствии доказательств неисполнения вторым родителем обязанностей по содержанию ребенка в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации.

Комментарий

Ответственность за обеспечение надлежащих условий для реализации ребенком права на достойный уровень жизни обязывает родителей предпринять для этого все возможные усилия. Наряду с добровольным исполнением данной обязанности - основанной на общепризнанной презумпции добросовестности родительской заботы о детях, когда родители самостоятельно определяют порядок

и формы предоставления им содержания, в том числе посредством соглашения об уплате алиментов, - статья 80 Семейного кодекса Российской Федерации предусматривает при непредоставлении родителями содержания своим несовершеннолетним детям также возможность принудительного исполнения данной обязанности путем взыскания с родителей алиментов на детей в судебном порядке (пункты 2 и 3).

Подобный подход к вопросу равенства прав и обязанностей, а также ответственности родителей в отношении своих несовершеннолетних детей нашел отражение в практике Верховного Суда Российской Федерации, указавшего следующее. Семейная жизнь предполагает наличие тесной эмоциональной связи в том числе между родителями и детьми, взаимную поддержку членов семьи, ответственность перед семьей всех ее членов. Основными обязанностями родителей в семье являются воспитание, содержание, защита прав и интересов детей. Поскольку родители несут одинаковую ответственность за воспитание и развитие ребенка, эти обязанности должны выполняться независимо от наличия или отсутствия брака родителей, а также их совместного проживания. Невыполнение по вине родителей родительских обязанностей, в том числе по содержанию детей, их материальному обеспечению, может повлечь для родителей установленные законом меры ответственности, среди которых лишение родительских прав.

Следовательно, положения пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации, имея целью охрану прав и интересов несовершеннолетних детей, создание условий, обеспечивающих им достойную жизнь, благосостояние и свободное развитие, будучи направлены на защиту семьи, материнства, отцовства и детства, отражают признание общественной значимости равных родительских прав и обязанностей матери и отца несовершеннолетнего ребенка, что согласуется с конституционными ценностями справедливости и юридического равенства.

Эти положения ни сами по себе, ни во взаимосвязи с положениями пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации - исходя из необходимости баланса названных ценностей и недопустимости умаления ни одной из них, в том числе с учетом принципа, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации), - не могут служить основанием для лишения несовершеннолетнего ребенка, находящегося на иждивении гражданина, признанного банкротом, содержания в виде денежных средств в размере установленной величины прожиточного минимума для детей и в том случае, если отсутствуют доказательства неисполнения вторым родителем обязанностей по содержанию ребенка в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации.

Само по себе непредставление гражданином, признанным банкротом, доказательств неисполнения вторым родителем обязанностей по содержанию ребенка в соответствии с семейным законодательством не имеет юридического

значения для оценки правового положения ребенка как находящегося на иждивении гражданина-должника применительно к решению вопроса об исключении из конкурсной массы этого гражданина денежных средств на ребенка в размере, соответствующем предписанию абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2022 № 16-П «По делу о проверке конституционности части первой.1 статьи 110 и статьи 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также Постановления Правительства Российской Федерации «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданки Н.И. Мургиной»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются части вторая и третья статьи 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в той мере, в какой на их основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос об апелляционном обжаловании постановления (определения) суда первой инстанции, рассматривающего по существу уголовное дело в отношении подсудимого, содержащегося под стражей, об отказе в направлении его на медицинское освидетельствование для установления у него заболевания, включенного в перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал части вторую и третью статьи 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой в соответствии с данными законоположениями отсутствие итогового судебного решения по делу препятствует апелляционному обжалованию постановления (определения) суда первой инстанции об отказе в направлении содержащегося под стражей подсудимого на медицинское освидетельствование, проводимое в порядке, закрепленном постановлением Правительства Российской Федерации от 14.01.2011 № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений», для установления у него заболевания, включенного в перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений.

Комментарий

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

Впредь до внесения таких изменений Конституционный Суд Российской Федерации устанавливает следующий порядок исполнения данного Постановления:

в тех случаях, когда по результатам оценки судом первой инстанции состояния здоровья подсудимого на основе объективных медицинских данных, иных доказательств у него не установлены признаки заболевания, препятствующего дальнейшему содержанию под стражей, законность и обоснованность решения суда первой инстанции об отказе в удовлетворении (в рассмотрении) ходатайства подсудимого либо его законного представителя или защитника о направлении подсудимого на медицинское освидетельствование подлежит проверке судом апелляционной инстанции при рассмотрении жалобы, представления на решение суда о продлении срока содержания под стражей;

если же по результатам оценки судом первой инстанции состояния здоровья подсудимого на основе объективных медицинских данных у него установлены признаки заболевания, препятствующего дальнейшему содержанию под стражей, то основанное на иных доказательствах постановление (определение) суда об отказе в направлении подсудимого на медицинское освидетельствование на предмет наличия (отсутствия) у него заболевания, включенного в перечень тяжелых заболеваний, подлежит самостоятельному апелляционному обжалованию до вынесения итогового судебного решения по делу.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2022 № 17-П «По делу о проверке конституционности статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Ерохина»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются взаимосвязанные положения статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в той мере, в какой на их основании решается вопрос о взыскании с военнослужащего, в том числе после увольнения его с военной службы по контракту, денежных средств, являющихся дополнительными выплатами в составе его денежного довольствия и определяемых при этом в качестве неосновательного обогащения, полученного данным военнослужащим в период прохождения указанной службы, вне зависимости от действительной причины их неправильного начисления (выплаты в повышенном размере).

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал взаимосвязанные положения статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не предполагают взыскания в качестве неосновательного обогащения с военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, а равно и с лица, уволенного с военной службы, денежных средств, излишне выплаченных ему в результате начисления в большем размере дополнительных выплат, входящих в состав его денежного довольствия, если действительной причиной их неправильного начисления (выплаты в повышенном размере) послужили действия (бездействие) лиц, обеспечивающих исчисление и перечисление военнослужащим денежного довольствия, при отсутствии недобросовестности со стороны военнослужащего или счетной ошибки.

Комментарий

Если получение военнослужащим в составе денежного довольствия излишних денежных средств было вызвано ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей лицом (лицами), обеспечивающим исчисление и перечисление денежного довольствия (включая совершение расчетных операций, оформление платежных документов, внесение (передачу) необходимых для этого сведений в программное обеспечение и т.п.), то на самого военнослужащего - при отсутствии недобросовестного поведения с его стороны или счетной ошибки - не может быть возложено бремя неблагоприятных имущественных последствий в виде взыскания с него необоснованно начисленных и выплаченных ему денежных средств (в том числе после увольнения с военной службы).

Иное не только противоречило бы конституционным принципам верховенства права и справедливости, уважения человека труда и самого труда, но и нарушало бы баланс публичных и частных интересов, а также означало бы выходящее за рамки конституционно допустимых ограничений прав и свобод ущемление гарантированных Конституцией Российской Федерации прав военнослужащих.

Таким образом, взаимосвязанные положения статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации не предполагают взыскания в качестве неосновательного обогащения с военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, а равно и с лица, уволенного с военной службы, денежных средств, излишне выплаченных ему в результате начисления в большем размере дополнительных выплат, входящих в состав его денежного довольствия, если действительной причиной их неправильного начисления (выплаты в повышенном размере) послужили действия (бездействие) лиц, обеспечивающих исчисление и перечисление военнослужащим денежного довольствия, при отсутствии недобросовестности со стороны военнослужащего или счетной ошибки, а потому названные законоположения не могут рассматриваться как не согласующиеся с конституционными предписаниями.

При этом в условиях применения автоматизированной системы расчета денежного довольствия военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, с использованием специализированного программного обеспечения, а также перечисления причитающихся им сумм денежного довольствия преимущественно в безналичной форме федеральный законодатель не лишен возможности определить содержание понятия «счетная ошибка», в том числе с учетом необходимости его использования для целей взыскания с военнослужащего, а равно и с лица, уволенного с военной службы, в качестве неосновательного обогащения денежных средств, излишне выплаченных ему в составе денежного довольствия в период указанной службы.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.05.2022 № 18-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.О. Никитина»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является часть первая статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в той мере, в какой на ее основании решается вопрос о возможности признать потерпевшим по уголовному делу, возбужденному в отношении следователя (дознавателя) в связи с фальсификацией доказательств по расследованному им уголовному делу, лицо, осужденное по этому уголовному делу, в том числе в случае, когда в отношении осужденного обвинительный приговор не отменен (не изменен).

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал не противоречащей Конституции Российской Федерации часть первую статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в той мере, в какой она предполагает возможность признать потерпевшим по уголовному делу, возбужденному в отношении следователя (дознавателя) в связи с фальсификацией доказательств по расследованному им уголовному делу, лицо, осужденное по этому уголовному делу, в том числе в случае, когда постановленный в отношении осужденного обвинительный приговор не отменен (не изменен).

Комментарий

Часть первая статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предполагает возможность признания потерпевшим лица, осужденного по приговору, основанному в том числе на доказательствах, фальсификация которых устанавливается в рамках другого уголовного дела. При этом, если соответствующее уголовное дело было возбуждено по заявлению такого лица, поданному в связи с возможным причинением ему вреда данным деянием, ему во всяком случае не может быть отказано в признании потерпевшим.

Иное бесосновательно ограничивало бы право потерпевшего от преступлений и злоупотреблений властью на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, и право на реальную судебную защиту, а также означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством, что свидетельствовало бы о нарушении Конституции Российской Федерации.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.05.2022 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О.А. Мельниковой»

Содержание жалобы

Часть 1 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой на ее основании разрешается вопрос о дне, начиная с которого должен исчисляться срок давности привлечения к административной ответственности за совершение перечисленных в ней административных правонарушений.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть 1 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не соответствующей Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования неопределенность ее нормативного содержания порождает неоднозначное решение вопроса о дне, начиная с которого должен исчисляться срок давности привлечения к административной ответственности за совершение перечисленных в ней административных правонарушений, и тем самым допускает произвольное определение в качестве такого дня как дня совершения административного правонарушения, так и дня, следующего за днем совершения административного правонарушения.

Комментарий

Поскольку обусловленное признанием части 1 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не соответствующей Конституции Российской Федерации немедленное прекращение ее действия может серьезно осложнить применение законодательства об административных правонарушениях, а также в интересах обеспечения определенности административно-деликтных правоотношений Конституционный Суд Российской Федерации

Федерации полагает целесообразным установить следующий порядок исполнения данного Постановления:

федеральному законодателю надлежит незамедлительно принять меры по устранению неопределенности нормативного содержания части 1 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в вопросе о том, начиная с какого дня должен исчисляться предусмотренный ею срок давности привлечения к административной ответственности;

впредь до внесения в законодательство об административных правонарушениях изменений, вытекающих из данного Постановления, исчисление срока давности привлечения к административной ответственности в соответствии с частью 1 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях - с учетом того, что в правовом государстве, высшей ценностью которого конституционно признан человек, его права и свободы (статья 2 Конституции Российской Федерации), неустранимые сомнения в правовом регулировании публичной, в том числе административной, ответственности не могут быть, по общему правилу, обращены против частных (физических и юридических) лиц как заведомо более слабой стороны складывающихся в связи с применением такой ответственности отношений, - должно осуществляться начиная со дня совершения административного правонарушения.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.2022 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются пункт 3 части первой статьи 24 и часть вторая статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в той мере, в какой на их основании после отмены вынесенного с согласия подозреваемого, обвиняемого постановления о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования разрешается вопрос о прекращении уголовного преследования по этому же основанию без получения нового или подтверждения ранее данного согласия подозреваемого, обвиняемого.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 3 части первой статьи 24 и часть вторую статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют следователю без согласия (при наличии возражения) подозреваемого,

обвиняемого вынести постановление о прекращении уголовного преследования в связи с истечением срока давности после того, как вынесенное ранее с согласия подозреваемого, обвиняемого постановление о прекращении уголовного преследования по данному основанию было отменено, притом что сам подозреваемый, обвиняемый не инициировал отмену такого постановления либо инициировал, но новое постановление о прекращении уголовного преследования в связи с установлением в результате возобновления производства по делу новых имеющих юридическое значение обстоятельств фактически ухудшало бы его положение по сравнению с отмененным.

Комментарий

В случае отмены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) утрачивается его юридическая сила в качестве законного и обоснованного решения, а также аннулируются его правовые последствия. Возможность отменить постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) как незаконное или необоснованное и возобновить производство по делу вытекает из предписаний Конституции Российской Федерации, обязывающих органы государственной власти, должностных лиц и граждан соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, гарантирующих государственную защиту прав и свобод человека и гражданина и возлагающих на государство обеспечение потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба. Отмена такого решения может быть обусловлена необходимостью исследования возможности прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктом 1 части первой статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Отмена постановления о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования как незаконного и (или) необоснованного предполагает последующее устранение допущенных нарушений, если их наличие подтвердится, и, в зависимости от характера таких нарушений, проведение необходимых и достаточных следственных и процессуальных действий, что может повлечь изменения в совокупности установленных обстоятельств, имеющих юридическое значение. При этом подозреваемый, обвиняемый не утрачивает своих процессуальных прав, в том числе: знать, в чем он подозревается (обвиняется); давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения (обвинения), возражать против обвинения, отказаться от дачи объяснений и показаний; представлять доказательства, заявлять ходатайства, защищаться иными средствами и способами, не запрещенными уголовно-процессуальным законом; возражать против прекращения уголовного дела; обжаловать, в том числе в суд, процессуальные действия и решения.

Следовательно, если после решения руководителя следственного органа об отмене постановления следователя о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования принимается новое постановление о прекращении

уголовного преследования в связи с истечением сроков давности, предполагается повторное получение согласия подозреваемого, обвиняемого (либо подтверждение ранее данного согласия) на такое прекращение. Наличие согласия отражается в постановлении.

Иное противоречило бы принципу законности, приводило бы к нарушению вытекающего из принципа состязательности права подозреваемого, обвиняемого самостоятельно и по собственному усмотрению определять свою позицию по делу, притом что его невиновность презюмируется, виновность в преступлении не установлена вступившим в законную силу приговором суда, а решением следователя о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующему основанию констатируется и его причастность к преступлению, и наличие состава преступления в его деянии, в том числе вины как обязательного признака состава преступления.

Кроме того, не может не приниматься во внимание то обстоятельство, что, согласившись на прекращение уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям, несмотря на указанные неблагоприятные последствия, лицо во многом руководствуется правомерными ожиданиями, что больше не будет вовлечено в уголовный процесс с присущими ему ограничениями и обременениями. Если эти ожидания не оправдались, конституционный принцип справедливости предполагает, что ему также возвращается и право выбора в вопросе о том, соглашаться ли на новое прекращение уголовного дела (уголовного преследования) или предпочесть продолжение производства по уголовному делу в обычном порядке.

В то же время в случаях, когда сам подозреваемый, обвиняемый прямо или косвенно инициировал отмену постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), на которое ранее давал согласие, предоставление ему возможности настаивать на продолжении уголовного дела в обычном порядке - если возобновление производства по делу не дало оснований для иного процессуального решения, чем его прекращение по этому основанию, - создавало бы почву для злоупотребления подозреваемым, обвиняемым своими процессуальными правами. Тем самым он фактически приобретал бы инструмент для изменения в своих интересах достигнутого процессуального результата по уголовному делу, в том числе используя, например, информацию об утрате с течением времени возможности сбора или представления стороной обвинения в суд определенных доказательств. В этой связи на ситуацию, когда сам подозреваемый, обвиняемый инициировал отмену постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), правовые позиции о необходимости получения его согласия (подтверждения ранее данного согласия) на новое прекращение распространяться, по общему правилу, не должны. Однако даже в указанном случае, если в результате возобновления производства по делу после отмены постановления о его прекращении (о прекращении уголовного преследования) установлены новые имеющие юридическое значение обстоятельства, привнесение данных о которых в материалы дела (и, соответственно, включение этих данных в новое постановление о прекращении

уголовного преследования) фактически - с учетом возможных неблагоприятных последствий прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям - ухудшает положение подозреваемого, обвиняемого по сравнению с отмененным постановлением, то требуется его согласие на прекращение уголовного преследования, как предполагает принцип благоприятствования защите (*favor defensionis*).

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.05.2022 № 21-П «По делу о проверке конституционности пункта 25 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» в связи с жалобой гражданина И.Н. Фролова»

Содержание жалобы

Пункт 25 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу постольку, поскольку на его основании в системе действующего правового регулирования должностными лицами полиции разрешается вопрос о возможности прохода адвоката в связи с оказанием в установленном федеральным законом порядке юридической помощи в уголовном судопроизводстве в административные здания органов внутренних дел с мобильным телефоном, имеющим функции аудио- и видеofиксации, а также выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 25 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции» не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку он не может служить основанием для запрета должностными лицами полиции прохода адвокатов в связи с оказанием в установленном федеральным законом порядке юридической помощи в уголовном судопроизводстве в административные здания органов внутренних дел с мобильным телефоном, имеющим функции аудио- и видеofиксации, а также выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», что не препятствует должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством определять возможность использования соответствующих функций телефона при производстве предварительного расследования.

Комментарий

Анализ Федерального закона «О полиции», равно как и иных федеральных законов, свидетельствует, что в системе действующего правового регулирования они - в отличие от части первой статьи 18 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении

преступлений», прямо запрещающей защитнику проносить на территорию места содержания под стражей технические средства связи, а также технические средства (устройства), позволяющие осуществлять кино съемку, аудио- и видеозапись, - не содержат каких-либо статей (норм), ограничивающих проход адвокатов, оказывающих юридическую помощь по уголовным делам, в занимаемые органами внутренних дел административные здания с соответствующими техническими средствами, в том числе с мобильными телефонами, имеющими функции аудио- и видеофиксации, а также выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

Следовательно, в системе действующего правового регулирования оспариваемое законоположение не может служить основанием для установления должностными лицами полиции запрета прохода адвокатов, оказывающих в соответствии с федеральным законом юридическую помощь в уголовном судопроизводстве, в административные здания органов внутренних дел с мобильными телефонами, имеющими функции аудио- и видеофиксации, а также выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», что не препятствует должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством определять возможность использования соответствующих функций телефона при производстве предварительного расследования.

Придание оспариваемому законоположению в системе действующего правового регулирования иного смысла, допускающего необоснованное воспрепятствование проходу адвокатов - вопреки их правомочиям, связанным с оказанием гражданам в установленном федеральным законом порядке юридической помощи по уголовным делам, - в административные здания органов внутренних дел с мобильными телефонами, имеющими функции аудио- и видеофиксации, а также выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», приводило бы к произвольному, не имеющему законных оснований, ограничению конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, чем вступало бы в противоречие с Конституцией Российской Федерации.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.05.2022 № 22-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 2 Закона Новосибирской области «О мерах социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг работников образования, проживающих и работающих в сельской местности, поселках городского типа на территории Новосибирской области» в связи с жалобой гражданки Т.В. Мельниковой»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является часть 3 статьи 2 Закона Новосибирской области «О мерах социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг работников образования, проживающих и работающих в сельской местности, поселках городского типа на территории Новосибирской области» постольку, поскольку она служит основанием для решения вопроса о сохранении права на предусмотренные данным Законом меры социальной поддержки за гражданами из числа работников образования, которые имеют стаж работы не менее 10 лет в сельской местности, поселках городского типа на территории Новосибирской области и проживают там же, пользовались такими мерами в период осуществления трудовой деятельности и уволились из образовательных организаций после назначения им страховой (до 01.01.2015 - трудовой) пенсии по старости ранее достижения общеустановленного пенсионного возраста в связи с осуществлением педагогической деятельности в учреждениях (организациях) для детей.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал часть 3 статьи 2 Закона Новосибирской области «О мерах социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг работников образования, проживающих и работающих в сельской местности, поселках городского типа на территории Новосибирской области» не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку она не препятствует сохранению права на предусмотренные данным Законом меры социальной поддержки за теми гражданами из числа работников образования, которые имеют стаж работы не менее 10 лет в сельской местности, поселках городского типа на территории Новосибирской области и проживают там же, пользовались такими мерами в период осуществления трудовой деятельности и уволились из образовательных организаций после назначения им страховой (до 01.01.2015 - трудовой) пенсии по старости, в том числе ранее достижения общеустановленного пенсионного возраста в связи с осуществлением педагогической деятельности в учреждениях (организациях) для детей, притом что они отвечали предусмотренным названным законоположением критериям на дату возникновения у них права на эту пенсию в соответствии с федеральным законодательством по состоянию на 31.12.2018.

Комментарий

Сохранение за гражданами из числа работников образования, проживающих и работающих в сельской местности, поселках городского типа на территории Новосибирской области, после оставления ими работы в образовательных организациях права на предусмотренные Законом Новосибирской области от 27.04.2010 № 493-ОЗ меры социальной поддержки связывается с возникновением у них права на страховую (трудовую) пенсию по старости в соответствии с федеральным законодательством по состоянию на 31.12.2018, причем безотносительно к предусмотренному этим законодательством основанию, в силу которого право на пенсию возникло (достижение общеустановленного возраста либо наличие специального страхового стажа).

Принимая во внимание изменение с 01.01.2019 условий назначения страховой пенсии по старости, установленных Федеральным законом «О страховых пенсиях», такое правовое регулирование фактически направлено на сохранение прежних условий предоставления указанным гражданам мер социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг. Это само по себе согласуется с конституционно значимыми целями социальной политики государства, для которого предоставление отдельным категориям граждан дополнительных мер социальной поддержки является одной из важнейших задач в области социальной защиты (преамбула и статья 7 Конституции Российской Федерации), а равно с вытекающими из Конституции Российской Федерации принципами справедливости и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства.

Из этого следует, что право на предусмотренные Законом Новосибирской области от 27.04.2010 № 493-ОЗ меры социальной поддержки должно равным образом сохраняться за всеми гражданами из числа работников образования, проживающих и работающих в сельской местности, поселках городского типа на территории Новосибирской области, при оставлении ими работы в образовательных организациях после возникновения у них права на страховую (трудовую) пенсию по старости в соответствии с федеральным законодательством по состоянию на 31.12.2018 - причем вне зависимости от того, на каком основании у таких граждан возникло право на страховую (трудовую) пенсию по старости, - если при этом на дату возникновения у них права на указанную пенсию они отвечали критериям, установленным оспариваемым законоположением.

Иное истолкование названного законоположения, по существу, означало бы лишение указанных граждан после оставления ими работы в данных образовательных организациях и выхода на пенсию по старости права на меры социальной поддержки, ранее предоставленного им в связи с осуществлением педагогической деятельности на селе, и тем самым порождало бы необоснованную дифференциацию в правовом положении лиц, относящихся к одной и той же категории - пенсионеров из числа работников образования, получающих страховую пенсию по старости, имеющих установленный законом стаж работы в сельской местности, поселках городского типа на территории Новосибирской области и проживающих там же, исключительно в зависимости от основания

назначения им пенсии. Подобная дифференциация не согласуется с принципами справедливости и равенства при реализации права на предусмотренные региональным законодательством меры социальной поддержки, а также с принципом уважения человека труда и потому не может быть признана допустимой Конституцией Российской Федерации.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.06.2022 № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 310, пункта 4 статьи 421, пункта 1 статьи 422, пункта 1 статьи 450, пункта 2 статьи 450.1 и абзаца второго пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Пыкиной»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу является абзац второй пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации, как применяемый в судебной практике во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 310, пунктом 4 статьи 421, пунктом 1 статьи 422, пунктом 1 статьи 450 и пунктом 2 статьи 450.1 данного Кодекса для решения вопроса о праве наймодателя жилого помещения по договору краткосрочного коммерческого найма расторгнуть договор в одностороннем внесудебном порядке при наступлении указанных в нем оснований, отличающихся от оснований, предусмотренных абзацем вторым пункта 2 статьи 687 данного Кодекса.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал абзац второй пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации, применяемый в судебной практике во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 310, пунктом 4 статьи 421, пунктом 1 статьи 422, пунктом 1 статьи 450 и пунктом 2 статьи 450.1 данного Кодекса для решения вопроса о праве наймодателя жилого помещения по договору краткосрочного коммерческого найма расторгнуть договор в одностороннем внесудебном порядке, не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу он предполагает, что иные, чем непосредственно предусмотренные его положениями, основания такого расторжения договора должны быть сформулированы ясно и определенно и относиться к существенному нарушению законного интереса наймодателя по вине нанимателя, а суд при рассмотрении спора нанимателя и наймодателя в связи с односторонним расторжением договора последним оценивает, не был ли нарушен принцип добросовестности установлением названных условий в договоре и их использованием наймодателем.

Комментарий

Доводы Т.В. Пыкиной, касающиеся использования оспариваемых положений Гражданского кодекса Российской Федерации при разрешении ее судебного спора, относятся к недопустимости установления в договоре краткосрочного коммерческого найма иных условий его расторжения, нежели тех, которые предусмотрены в абзаце втором пункта 2 статьи 687 данного Кодекса.

Между тем принципиальная возможность их установления не ставится в данном Постановлении под сомнение. Основание же для расторжения договора, примененное в деле заявительницы, состояло в неуплате предусмотренной договором платы за наем и не может быть сочтено произвольным, неопределенным и беспочвенным.

При этом содержащиеся в данном Постановлении выводы о возможности выработки оптимальных условий, касающихся расторжения договора краткосрочного коммерческого найма жилого помещения и отличающихся от условий, предусмотренных в абзаце втором пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации, не распространяются на те фактические обстоятельства (случаи), когда договор найма жилья, формально являясь краткосрочным, фактически таковым не является в силу продления отношений между сторонами путем заключения договора на новый срок, если в совокупности сроки превышают один год

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.06.2022 № 24-П «По делу о проверке конституционности подпункта «в» пункта 1 статьи 43 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина М.В. Бердникова»

Содержание жалобы

Подпункт «в» пункта 1 статьи 43 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования на его основании решается вопрос об увольнении прокурора со службы за нарушение им Присяги без учета предусмотренных пунктом 8 статьи 41.7 данного Федерального закона сроков применения дисциплинарного взыскания.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал подпункт «в» пункта 1 статьи 43 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку он по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не предполагает увольнения нарушившего Присягу прокурора без соблюдения предусмотренных законом сроков наложения дисциплинарного взыскания.

Комментарий

Квалификация проступка в качестве нарушения Присяги не исключает необходимости учитывать характер, тяжесть и общественную опасность содеянного. В противном случае ставились бы под сомнение общие принципы юридической ответственности, из которых вытекает требование соразмерности тяжести проступка и наказания за него, что может проявляться не только в строгости наказания как такового, но и в установлении более длительных сроков привлечения к ответственности за те или иные правонарушения.

Сказанное означает, что при решении вопроса об увольнении за нарушение Присяги - помимо соблюдения сроков привлечения к дисциплинарной ответственности, которые исходя из правовых позиций, выраженных в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26.03.2020 № 13-П и в данном Постановлении, применимы к конкретному случаю с учетом существа совершенных нарушений, - не исключен учет требований специального законодательства, в частности о противодействии коррупции.

Примером такого регулирования может служить пункт 4 статьи 41.10 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» применительно к взысканиям, предусмотренным статьями 41.8 «Взыскания за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции» и 41.9 «Увольнение в связи с утратой доверия» данного Федерального закона, которые применяются не позднее шести месяцев со дня поступления информации о совершении работником коррупционного правонарушения, не считая времени болезни работника, пребывания его в отпуске, и не позднее трех лет со дня совершения им коррупционного правонарушения (в указанные сроки не включается время производства по уголовному делу).

Если у деяния, ранее отнесенного к нарушению Присяги, имеются признаки деяния, влекущего утрату доверия и увольнение по этому основанию, данное Конституционным Судом Российской Федерации в данном Постановлении конституционно-правовое истолкование не может рассматриваться как препятствие для применения указанных специальных сроков, равно как не может быть таковым несоблюдение при первоначальной характеристике деяния требования пункта 2 статьи 41.8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которому в акте о применении к работнику взыскания в случае совершения им коррупционного правонарушения в качестве основания применения взыскания указывается эта статья.

Иное вынуждало бы суд - вопреки принципам правового государства и предназначению деятельности правоохранительных органов - при разрешении конкретного дела предоставлять защиту лицам, которые опорочили себя совершением проступка, выявленного в течение установленного законодателем разумного срока, и вследствие этого утратили моральное право продолжить службу в правоохранительных органах.

Вместе с тем законодатель не лишен возможности в процессе совершенствования правового регулирования конкретизировать характер проступков, относящихся к нарушению присяги сотрудника этих органов, и установить сроки привлечения к ответственности за их совершение.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.2022 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Мамичева»

Содержание жалобы

Пункт 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования на его основании судом решается вопрос о защите авторских прав создателя программы для ЭВМ (права авторства, права автора на имя, исключительного права на эту программу) в споре с лицом, использующим указанную программу в отсутствие его согласия, если судом установлено, что названная программа является составным произведением, созданным без соблюдения прав авторов (правообладателей) программ для ЭВМ, использованных для ее создания.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования он допускает отказ суда в защите авторских прав создателя программы для ЭВМ в споре с лицом, использующим указанную программу для ЭВМ в отсутствие его согласия, только на том основании, что названная программа является составным произведением и ее автором не выполнено условие о соблюдении прав авторов (правообладателей) объектов (программ для ЭВМ), использованных для ее создания.

Комментарий

Федеральному законодателю надлежит внести изменения в действующее правовое регулирование таким образом, чтобы был обеспечен баланс прав автора программы для ЭВМ, которая является составным произведением, и прав авторов (правообладателей) объектов (программ для ЭВМ), использованных для ее создания, не исключая при этом защиту имущественных интересов автора этой программы для ЭВМ, в том числе путем взыскания компенсации за нарушение другими лицами его исключительного права.

До внесения данных изменений пункт 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации не должен во всяком случае применяться в качестве

основания для отказа в защите права авторства, права автора на имя создателя программы для ЭВМ как составного произведения и исключительного права в части предъявления требования о пресечении нарушающих право автора действий в случаях, когда ответчик тоже не вправе использовать такие объекты (программы для ЭВМ), а также для отказа в защите в полном объеме авторских прав (включая исключительные права) на ту часть программы для ЭВМ как составного произведения, которая создана самим автором такой программы и использована в ней как в составном произведении наряду с объектами (программами для ЭВМ), права на которые принадлежат иным авторам (правообладателям).

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.06.2022 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части 1 статьи 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве» и абзаца второго пункта 1 статьи 47 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Соловьева»

Содержание жалобы

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу являются пункт 5 части 1 статьи 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве» и абзац второй пункта 1 статьи 47 Налогового кодекса Российской Федерации в той мере, в какой они допускают исполнение постановления налогового органа о взыскании задолженности по налогам, страховым взносам, а также пеней за счет иного имущества налогоплательщика - индивидуального предпринимателя путем удержания денежных средств из заработной платы гражданина, прекратившего статус индивидуального предпринимателя к моменту вынесения судебным приставом-исполнителем постановления об обращении взыскания на заработную плату. (При этом не относится к предмету рассмотрения по данному делу порядок взыскания сумм штрафов, назначаемых в связи с несвоевременной уплатой индивидуальным предпринимателем налогов, страховых взносов, поскольку данный вопрос не рассматривался судами и, соответственно, не ставится в жалобе заявителя.)

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации признал пункт 5 части 1 статьи 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве» и абзац второй пункта 1 статьи 47 Налогового кодекса Российской Федерации - как допускающие исполнение постановления налогового органа о взыскании задолженности по налогам, страховым взносам, а также пеней за счет иного имущества налогоплательщика - индивидуального предпринимателя путем удержания денежных средств из заработной платы гражданина, прекратившего статус индивидуального предпринимателя к моменту вынесения судебным приставом-исполнителем постановления об обращении взыскания на заработную плату, -

соответствующими Конституции Российской Федерации, поскольку в системе действующего правового регулирования предусмотрены гарантии судебной защиты и обеспечения базовых жизненных потребностей такого гражданина и лиц, находящихся на его иждивении.

Комментарий

Завершение исполнительного производства, возбужденного на основании постановления налогового органа о взыскании задолженности за счет имущества должника, являющегося на момент принятия такого решения индивидуальным предпринимателем, по той лишь причине, что впоследствии должник принял решение о прекращении им предпринимательской деятельности, не только не согласовывалось бы с основаниями для прекращения (окончания, отмены) исполнения исполнительного документа, предусмотренными Федеральным законом «Об исполнительном производстве», но и способствовало бы злоупотреблению должником своими правами вопреки статье 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации и статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации. Равным образом это порождало бы неопределенность в вопросе о моменте, с которого надлежало бы исчислять срок для обращения налогового органа в суд с заявлением о взыскании задолженности, и в вопросе о длительности такого срока, как они установлены пунктом 2 статьи 48 Налогового кодекса Российской Федерации в отношении налогоплательщиков - физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, что, в свою очередь, противоречило бы принципам правовой определенности и правового равенства налогоплательщиков (статья 19 Конституции Российской Федерации и пункт 2 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации).

Напротив, толкование, связывающее возможность применить внесудебный (бесспорный) порядок взыскания задолженности по налогам, страховым взносам с принятием соответствующего решения налоговым органом в тот период, когда налогоплательщик был зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя, находит свое подтверждение и в судебной практике.

Не отрицается такое толкование и принятием в первом чтении проекта федерального закона № 46702-8 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации», которым предлагается дополнительно уточнить, что налоговый орган вправе взыскать задолженность за счет имущества налогоплательщика - индивидуального предпринимателя, «не утратившего свой статус на дату принятия постановления о взыскании задолженности».

Таким образом, не может рассматриваться как противоречащее Конституции Российской Федерации исполнение постановления налогового органа о взыскании задолженности по налогам, страховым взносам, а также пеней за счет иного имущества налогоплательщика - индивидуального предпринимателя путем удержания денежных средств из заработной платы гражданина, прекратившего статус индивидуального предпринимателя к моменту вынесения судебным приставом-исполнителем постановления об обращении взыскания на заработную

плату, при условии соблюдения гарантий судебной защиты и обеспечения базовых жизненных потребностей такого гражданина и лиц, находящихся на его иждивении.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2022 № 188-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзикова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

Оспоренные законоположения предусматривают возможность прекращения уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что, соглашаясь на примирение с подозреваемым, обвиняемым, потерпевший своим согласием участвует в создании предпосылок к процессуальному решению о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), которое, однако, окончательно принимается судом, следователем, дознавателем в рамках их дискреции и лишь при наличии оснований для этого, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Право, а не обязанность прекратить уголовное дело не означает произвольного разрешения этого вопроса уполномоченным органом или должностным лицом. Рассматривая заявление о прекращении уголовного дела, они не просто констатируют наличие или отсутствие указанных в законе оснований для этого, а принимают решение с учетом всей совокупности обстоятельств, включая вид уголовного преследования, особенности объекта преступного посягательства, наличие выраженного свободно, а не по принуждению волеизъявления потерпевшего, чье право, охраняемое уголовным законом, нарушено в результате преступления, изменение степени общественной опасности деяния после заглаживания вреда, личность подозреваемого, обвиняемого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность. Такое решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным, а потому обстоятельства, дающие возможность его принять, должны быть подтверждены процессуально на основе доказательств и закреплены в процессуальных актах. В противном случае само постановление о прекращении уголовного дела не может отвечать критерию законности и обоснованности, как не основанное на установленных фактах, подтвержденных материалами дела.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10.03.2022 № 492-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Приморского районного суда города Санкт-Петербурга о проверке конституционности части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»

Оспоренные положения содержат перечень новых обстоятельств, являющихся основаниями для пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам на основании изменившихся впоследствии законодательных норм предполагает наличие явно и недвусмысленно выраженного намерения законодателя не только предусмотреть соответствующее новое обстоятельство, являющееся основанием для пересмотра, но и внести изменения в нормативные положения, регулирующие правоотношения, бывшие предметом судебного разбирательства, позволяющие не рассматривать те или иные решения, действия (бездействие) участников этих правоотношений в качестве нарушающих установленные правила поведения. Иными словами, такого рода законодательные изменения должны носить комплексный характер и затрагивать, прежде всего, нормы материального права, регламентирующие правовые институты и отношения, с тем чтобы отмена соответствующих судебных постановлений могла быть осуществлена с использованием имеющихся процедур и предусмотренных законом оснований и пределов пересмотра (например, путем распространения действия принимаемых норм на период, предшествующий вступлению их в силу), и при необходимости - процессуальные нормы, например путем введения новых оснований для пересмотра судебных постановлений, в том числе вступивших в законную силу.

В отношении норм Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» действуют общие правила о действии закона во времени, в том числе в их интерпретации Конституционным Судом Российской Федерации, что не предполагает возможности пересмотра в порядке главы 42 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, в частности ее статьи 392, принятых до вступления этого Федерального закона в силу судебных постановлений по заявлениям о признании информации, размещенной в сети «Интернет», информацией, распространение которой на территории Российской Федерации запрещено.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10.03.2022 № 498-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства граждан Касимова Ирика Наильевича, Мухаметзяновой Наири Фавасимовны и других о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2021 года № 14-П»

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, как в случае обращения владельца нестационарного торгового объекта (собственников помещений в многоквартирном доме) в суд с административным иском заявлением об оспаривании положений правил благоустройства территории, так и в случае обращения органа местного самоуправления (иного заинтересованного лица) в суд с иском заявлением об обязанности владельца нестационарного торгового объекта осуществить снос (демонтаж) такого объекта в связи с нарушением правил благоустройства территории на суде лежит обязанность - при строгом учете правовых позиций, изложенных Конституционным Судом Российской Федерации, - проверить соответствие требований, содержащихся в правилах благоустройства территории, актам, обладающим более высокой юридической силой.